

ПСИХИАТРИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

УДК 615.851

А.А. Александров

ПОЛИФОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЗНАНИЯ МИХАИЛА БАХТИНА В ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ АНАЛИТИКО-КАТАРТИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ

Северо-Западный государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова (Россия, Санкт-Петербург, Кирочная ул., д. 41)

В статье рассматривается концепция полифонического сознания М.М. Бахтина, разработанная им на основе анализа произведений Ф.М. Достоевского. Принципы построения диалогов в литературном произведении, основанные на полифонизме сознания, находят отражение в теории и практике аналитико-катартической терапии. В частности, осязаемый вклад концепция Бахтина вносит в разработку проблемы «диалога с воображаемым Другим» и в практику процедуры двойного дублирования.

Ключевые слова: аналитико-катартическая терапия, полифония, внутренняя речь, внутренний диалог, диалог с воображаемым Другим, двойное дублирование.

Аналитико-катартическая терапия (АКТА – *аналитико-катартическая терапия Александрова*) [1] – это современная модель психотерапии, основанная на теории личности и концепции невроза В.Н. Мясищева. Однако, в отличие от патогенетической психотерапии, основным методом которой является беседа терапевта с пациентом, ядром метода аналитико-катартической терапии служит диалог пациента с воображаемым значимым Другим, который имеет отношение к проблеме самопознания, поиска и обретения подлинной идентичности и, в сущности, является диалогом человека с самим собой – внутренним диалогом.

В связи с этим АКТА обращается к диалогическому подходу, расширяя тем самым теоретическую платформу метода, один полюс которого представлен психодинамическим подходом, другой (собственно *диалог*) – феноменологическим. Рассматривая АКТА с позиций диалогического под-

✉ Александров Артур Александрович – д-р мед. наук, проф., проф. каф. психотерапии, мед. психологии и сексологии, Сев.-Зап. гос. мед. ун-т им. И.И. Мечникова (Россия, 191015, Санкт-Петербург, Кирочная ул., д. 41), e-mail: dr.artaleks@ya.ru.

хода, мы отталкиваемся, прежде всего, от концепций отечественных ученых М.М. Бахтина и Л.С. Выготского, которых сближает идея диалогического построения сознания. Л.С. Выготский говорил о диалогической природе умственной деятельности и человеческой мысли. Для Выготского диалог – это конкретный психологический эквивалент социальной природы мысли, это совокупность социальных отношений, конструирующих человеческую сущность.

М.М. Бахтин на основе анализа творчества Ф.М. Достоевского в работе «Проблемы поэтики Достоевского» разработал концепцию полифонического сознания, основополагающей идеей которой служит идея диалогизма. «Не анализ сознания в форме единого и единственного «я», а анализ именно взаимодействий многих сознаний, – не многих людей в свете одного сознания, а именно многих равноправных и полноценных сознаний». «Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге» [4].

Это не означает, что диалогизм не присутствует нигде, кроме литературных произведений Достоевского. Наоборот, «поэтика Достоевского» – только модель, при помощи которой Бахтин воссоздает особенности реальной жизни [8]. Бахтин придал диалогу и диалогизму значение общегуманитарной идеи, которая одновременно описывает человеческую реальность и предписывает определенный подход к этой реальности. Весь его дискурс разивается в противопоставлении монологизму традиционной науки [12].

Проблема отношения Я и Другого занимала Бахтина в течение всей его творческой жизни. Свои варианты ее решения, иудаистский и православный, предлагали М. Бубер и А. А. Ухтомский. Эта проблема, пишет А. Эдкин, станет ключевой для западной гуманитарной науки последней трети столетия; она составит одну из основных тем того ее направления, которое известно как постмодернизм. Некоторые общие для постмодернизма идеи Бахтину удалось сформулировать раньше и точнее его западных коллег [12].

Рассмотрим те из положений концепции М.М. Бахтина, которые находят отражение в теории и практике аналитико-катартической терапии.

Каждый человек – носитель собственной правды. Основная особенность творчества Достоевского, согласно Бахтину, состоит в том, что герой у Достоевского не выражает идеологическую позицию автора, а является полноправным носителем собственного слова и собственной позиции. Писатель не манипулирует своими героями как объектами, не судит

своих героев, а дает им право самим высказать себя, свою правду о мире, свое видение других людей и себя самих среди людей. Ни у кого нет привилегии на единственную правду, каждый человек – носитель собственной правды [6]. «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов является основной особенностью романов Достоевского». Достоевский – творец *полифонического романа*. Мир Достоевского глубоко персоналистичен: всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности [4, с. 9].

Бахтин отмечает, что впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов, который определяет творчество Достоевского как реализм, основанный не на познании (объектном), а на «проникновении». Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект – таков принцип мировоззрения Достоевского [там же, с.15]. Создав полифонический мир, Достоевский тем самым разрушает сложившиеся формы европейского, в основном монологического романа, в котором вместо взаимодействия нескольких неслиянных сознаний представлялось взаимоотношение идей и мыслей, довлеющих одному сознанию [там же, с.14]. Полифонический роман весь сплошь диалогичен. Между всеми его элементами существуют *диалогические отношения*. Поэтому все отношения отдельных частей и элементов романа носят у Достоевского диалогический характер, и целое романа он строил как «большой диалог». В большом диалоге герои романа существуют как равноправные носители своих «правд»; тут нет единственной привилегированной «правды». Сознание каждого существует не само по себе, а на фоне чужих сознаний.

Внутри этого «большого диалога», пишет Бахтин, звучали, освещая и сгущая его, композиционно выраженные диалоги героев – и, наконец, диалог уходит внутрь каждого слова, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица героя, делая его перебойным и надрывным – это уже «микродиалог» [там же, с. 65]. Даже монологическая речь человека нередко пронизана скрытой полемикой, при которой слово направлено на свой предмет (а не против чужого слова), но строится так, чтобы ударять по чужому слову, не воспроизводимому, а лишь подразумеваемому.

Микродиалог – это внутренний диалог человека, развертывание которого определяется присутствием «чужого слова» воображаемого собеседника. Спор с ним, постоянное «напряженное противостояние» – стержень внутренних монологов героев Достоевского. Этот «авторитетный со-

беседник» – активный участник психической жизни героя, который соединяет в себе черты, «голоса» реальных людей. В то же время он представляет собой обобщенно-символический образ носителя определенной «идеи», позиции, отношения к миру. Это переход от внешнего общения героя с реальным другим к внутреннему спору с ним как «напряженному противостоянию» идей, взглядов и позиций [7].

Самосознание как доминанта построения образа героя. При создании образа героя Достоевский не интересуется его социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками. Важно другое: смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и к окружающей действительности. Все, что служит автору для создания образа героя, становится объектом рефлексии самого героя, предметом его самосознания. Бахтин пишет: «То, что должно быть раскрыто, является не твёрдым и устойчивым образом героя, но последним итогом его сознания и самосознания, в конце концов, последним словом героя о себе самом и о своём мире» [4, с. 71]. Вся художественная конструкция романа Достоевского направлена на раскрытие и уяснение этого слова героя и исполняет по отношению к нему провоцирующие и направляющие функции [4, с. 14]. Цель – «самоуяснение, самораскрытие героя, слово его о себе самом как последняя цель построения» [там же, с.81]. Исключительно важно для понимания творчества Достоевского: та «правда», к которой должен прийти и, наконец, действительно приходит герой, может быть только правдой собственного сознания. Она не может быть нейтральной к самосознанию. Только в форме исповедального самовысказывания может быть, по Достоевскому, дано последнее слово о человеке, действительно адекватное ему [там же, с. 84].

Познание «внутреннего человека». Человек у Достоевского есть *субъект обращения*. О нём нельзя говорить – можно лишь обращаться к нему. В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова. «Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путём слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путём общения с ним, диалогически. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого» [там же, с. 382]. Правда о человеке в чужих устах, не обращённая к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью,

если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке» [там же, с.90]. Пока человек жив, он живёт тем, что ещё не завершён и ещё не сказал своего последнего слова.

Достоевский считает себя реалистом, а не субъективистом-романтиком, замкнутым в мире собственного сознания; свою *новую* задачу – «изобразить все глубины души человеческой» – он решает «при полном реализме», то есть видит эти глубины *вне* себя, в *чужих* душах. К современной ему психологии – и в научной, и в художественной литературе, и в судебной практике – Достоевский относился отрицательно. Он видел в ней унижающее человека овеществление его души, сбрасывающее со счёта её свободу, незавершённость и ту особую *неопределённость* – *нерешённость*, которая является главным предметом изображения у самого Достоевского: ведь он всегда изображает человека *на пороге* последнего решения, в момент *кризиса* и незавершённого – и *непредопределимого* – поворота его души [там же, с. 92].

Итак, заключает Бахтин, новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это *до конца проведённая диалогическая позиция*, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершённость и нерешённость героя. В замысле Достоевского герой – носитель полноценного слова, а не безгласный предмет авторского слова. Только диалогическая, соучастная установка принимает чужое слово всерьёз и способна подойти к нему как к смысловой позиции, как к другой точке зрения [там же, с. 95]. Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только *диалогически общаться*. Думать о них – значит *говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной*: они замолкают, закрываются и застывают в завершённых объектных образах. От автора полифонического романа требуется не отказ от себя и своего сознания, а необычайное расширение, углубление и перестройка этого сознания (правда, в определённом направлении) для того, чтобы оно могло вместить полноправные чужие сознания [там же, с. 103].

АКТА – полифонический метод психотерапии. Метод аналитико-катартической терапии сопоставим по структуре, целям, способам раскрытия личности, ее ценностей и смыслов с полифоническим романом Достоевского. Внутренняя жизнь человека – это мир его переживаний, в основе которых лежит система отношений личности, сформированная в процессе интериоризации отношений участников первичных социальных групп: внешние диалоги со значимыми другими становятся внутренними. Это

своеобразный микрокосм, слепок отношений окружающей социальной среды (прежде всего – семейной) во внутреннем мире человека. От характера этих отношений, от качества «социальной энергии» (ключевое понятие динамической психиатрии Гюнтера Аммона) – конструктивной, дефицитарной или деструктивной – зависит формирование личности как конструктивного или дефицитарно-деструктивного типа.

АКТА рассматривает эмоциональные (невротические) проблемы пациентов как результат нарушения процесса самопознания и самосознания, процесса формирования идентичности и, прежде всего, как результат нерешенного «кризиса идентичности» подросткового возраста, что отражается на более поздних этапах жизни при решении кризисных ситуаций. Неадекватная самооценка и самоотношение формируются под влиянием деструктивно-дефицитарных отношений, доминирующих в первичной социальной группе. Пациент хранит память о переживаниях детства и отрочества, однако не в полной мере осознает их значение в своей жизни, не связывает эти переживания с проблемами в отношениях с другими людьми в настоящем. Кроме того, будучи эмоционально неотреагированными, эти переживания тяжелым грузом лежат в глубине души.

Исходя из этого, задача аналитико-катартической терапии состоит в реконструкции личности пациента (прежде всего, самоотношения) посредством пересмотра им своих отношений с эмоционально значимыми другими, которые стояли у истоков формирования его личности. В процессе этой реконструкции пациент должен вновь пережить, переосмыслить и переоценить те ключевые события своей жизни и связанные с ними переживания, которые отразились на его судьбе, повлияли на его решения и выборы. С помощью психотерапевта, двигаясь по «спирали самопознания» [11] – герменевтическому кругу понимания, – пациент возвращается в виртуальное прошлое с его проблемами, конфликтами, кризисами, «днями решений» (по Э. Берну) с тем, чтобы исправить неправильное научение и отношение. Погружение пациента в атмосферу прошлой жизни с повторным переживанием конфликтных ситуаций осуществляется в АКТА с помощью имажинативной техники диалога с воображаемыми значимыми другими – членами родительской семьи (отцом, матерью, сиблингами и др.), а также участниками других социальных групп. Диалог в АКТА – это не только отыгрывание пациентом травматических сцен из прошлого, что само по себе может быть целительным, но, прежде всего, прояснение и переоценка пациентом отношений со значимыми другими с позиций уже более зрелой личности, накопленного жизненного опыта. Это – «встреча», в

процессе которой пациент не без помощи психотерапевта приходит к осознанию роли собственной личности в возникновении конфликтных ситуаций, затруднений в межличностных отношениях в настоящем. Установление связи опыта прошлого с актуальными конфликтами является одной из важных задач, без решения которой невозможно достижение трансформации личности, обретение пациентом новой целостности. Терапевт при этом играет роль катализатора процесса интеграции прежде разрозненных элементов дезинтегрированной личности пациента.

Структура аналитико-катаргической терапии. Психотерапия начинается с беседы терапевт-пациент. После краткого сбора общих сведений терапевт предлагает пациенту рассказать свою историю. В процессе рассказа пациент выступает как автор монологического произведения: он говорит о Другом (Других), но не с ним (с ними). Даваемые им описания ситуации, характеристики других, высказываемые точки зрения и определения представляют собой завершенную целостную действительность. Это нарратив. Между тем подлинное самосознание возможно только с позиций незавершенности, с помощью другого сознания. Истина рождается при встрече двух сознаний: чтобы увидеть себя, надо посмотреть на себя со стороны – глазами другого. В этой беседе терапевт выступает в роли внешнего непредвзятого наблюдателя, подмечая противоречия, недосказанности в речи пациента, его эгоцентрическую позицию, уязвленное самолюбие. Чем нарратив отличается от диалога? Это «объясняющий рассказ», содержащий интерпретации событий. В отличие от рассказа или повествования, констатирующего факты, нарратив содержит индивидуальные оценки и эмоции повествующего, его размышления. Это скорее не объективное, а субъективное повествование. Другими словами, нарратив – это тенденциозный рассказ о себе и своей ситуации с позиций монологазма. Пациент предстает как жертва трудных жизненных обстоятельств, высказывает претензии, обвинения, испытывая чувства обиды и несправедливого отношения к себе со стороны другого или других. Свою историю пациент излагает в выгодном для себя свете, стремясь к сохранению чувства достоинства. В процессе этой беседы терапевт идентифицирует эмоционально значимые для пациента фигуры из прошлой и настоящей жизни, с тем, чтобы на последующих сеансах психотерапии пациент мог вновь «встретиться» с этими фигурами и прояснить отношения с ними, используя имагинативную технику «диалога-встречи» – диалога с воображаемым Другим.

В АКТА идентифицированные фигуры разделяются на первичные (родительские, семейные и проч.), которые служили для пациента объектами идентификаций, и актуальные фигуры из настоящей жизни. Проигрывание диалогов с каждой из этих фигур осуществляется, как уже говорилось, по принципу «герменевтического круга» с помощью техники «пустого стула».

Микродиалог и большой диалог в АКТА. Диалоги с воображаемыми Другими в АКТА – это работа по развертыванию внутренних диалогов (микродиалогов по Бахтину). Они завершаются частичным катарсисом и способствуют прояснению отношений с конкретными значимыми другими. Катарсис в АКТА понимается не просто как эмоциональная разрядка, а как осознание, сопровождаемое нравственным очищением [2]. В процессе диалога с отдельно взятой фигурой пациент начинает лучше осознавать какой-либо частный аспект своей личности. Переходя же от одной фигуры к другой в процессе движения по герменевтическому кругу, он опосредованно устанавливает неосознаваемые им прежде связи (отношения) между этими фигурами из своего социального окружения в их значении для себя и начинает осознавать суть собственной роли в этих взаимоотношениях. В результате происходит интеграция частичных катарсисов, достигнутых в ходе проигрывания отношений с отдельными фигурами (микродиалогов), в единое целое – катарсис интеграции. Это большой диалог в АКТА – полифоническое целое участвующих в диалогах значимых других. Это диалог «голосов» значимых других из прошлой и настоящей жизни пациента, интериоризованных и репрезентированных во внутреннем мире пациента в виде отдельных позиций его личности. Это те голоса, с опорой на которые формировались самооценка, самоотношение, идентичность личности пациента. Большой диалог – это взаимопроникновение голосов всех участников герменевтического круга. Нет, эти голоса не сливаются в один голос, поскольку у каждого из них «своя правда», а сосуществуют теперь, после того как были осознаны в полной мере, как равноправные с голосом пациента. Итак, в большом диалоге каждый индивид выступает как равноправный носитель «своей правды». Пациент выходит из герменевтического круга обновленным и просветленным. Мир остается прежним – других не изменишь, они остаются такими, какие они есть, и у каждого из них «своя правда», но... изменяется отношение пациента к другим и к миру в целом вследствие изменения отношения к себе: принимая себя, человек находит себя в этом непрестом мире. Он обретает подлинную идентичность, целостность и внутреннюю свободу. Таким обра-

зом, большой диалог – это интеграционный процесс, который завершается катарсисом интеграции и трансформацией личности.

Суть и техника диалога с воображаемым Другим. Внутренний диалог тесно связан с такими понятиями, как внутренняя речь, рефлексия, самосознание. А.В. Россохин [9] определяет внутренний диалог как один из видов внутренней речи, обладающий ее характеристиками. Свой теоретический вывод автор подкрепляет точкой зрения В.Н. Волошинова (1929): «... единицею внутренней речи являются некие *целые*, несколько напоминающие абзацы монологической речи, или целые высказывания. Но более всего они напоминают *реплики диалога*. Недаром внутренняя речь представлялась уже древнейшим мыслителям как *внутренний диалог*» [цит. по 9].

Внутренняя речь содержит много скрытых смыслов, которые проявляются с помощью означения, вербализации. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. В принципе все доступно сознанию, была бы воля пациента и поддержка терапевта. В процессе сеанса терапевт пытается «развернуть» свернутую внутреннюю речь пациента с ее неотрефлексированными элементами во внешнюю коммуникативную речь, обращенную одновременно и к воображаемому другому, и к терапевту. Другими словами, внутренний диалог переозначивается, переосмысливается, способствует изменению ценностно-смысловых образований личности.

Внутренний диалог связан с рефлексией. Рефлексия может протекать в форме внутреннего диалога, и, напротив, формальные характеристики внутреннего диалога могут быть рефлексивными. Частично понятия внутреннего диалога и рефлексии пересекаются. Рефлексивный процесс может обладать структурой монолога, диалога и полилога; внутренний диалог исключает наличие монологической структуры. А.В. Россохин, В.Л. Измагурова отмечают главное различие внутреннего диалога и рефлексии в задачах, выполняемых тем и другим процессом. Задача рефлексии – осознание внешнего и внутреннего опыта и его отражение в форме определенного смысла; задача внутреннего диалога – порождение нового смысла. Таким образом, если рефлексия представляет собой реализацию в интрапсихическом плане принципа отражения, то внутренний диалог реализует принцип взаимодействия. Во внутреннем диалоге протекают процессы переосмысления и порождения новых смыслов, осознания мотивов и изменения системы ценностей [10].

Запуск внутреннего диалога. Согласно Бахтину, внутренняя речь только по видимости монологична, но по сути представляет собой постоянный диалог с чужими голосами. Монолог Бахтин понимает как диалог,

вошедший внутрь («интериоризированный»): слово должно было сначала родиться и созреть в процессе социального общения, чтобы затем войти в организм и стать внутренним словом. Проблема осознания неотчетливых переживаний при эмоциональных нарушениях состоит в том, что в силу включения механизмов психологической защиты внутренний монолог (как рефлексивная деятельность) не трансформируется во внутренний диалог. Диалог заблокирован. Задача терапевта – запустить диалог, инициировать его и обеспечить последующее сопровождение.

Диалог с воображаемым Другим в АКТА – это, по существу, триалог, поскольку в нем в качестве третьего участника выступает терапевт. Вначале речь пациента монологична, пациент лишь внешне имитирует диалог: пересаживаясь со своего стула на стул воображаемого другого, выступает при этом с одной и той же монологической позицией, звучат не два голоса, а один. Другая позиция подавлена, оттеснена, пребывает в тени сознания. Ее необходимо вывести на свет, дать ей проявиться, превратить потенциально диалогичный монолог в диалог. Терапевт «запускает» внутренний диалог, встраиваясь во внутриличностное пространство между противоречивыми позициями пациента. Терапевт не вносит ничего от себя, он интуитивно угадывает скрытые смыслы в репликах пациента. Его «чужое слово» как «смысловое высказывание» должно «попасть в цель» или хотя бы частично совпасть с тайным смыслом пациента. Это слово (конфронтационная реплика) терапевта «раскалывает» монологизм пациента, обрушивая психологическую защиту. Открывается доступ к отвергаемой части сознания, а стало быть, к диалогу.

Диалог с воображаемым Другим – это внутренний диалог (микродиалог), осуществляемый во внутренней речи. Надо отличать внутреннюю речь («почти безмолвную», согласно Выготскому) от внутреннего говорения, т.е. озвучения готовых суждений, мнений и позиций (речи «про себя»). Смысл деятельности терапевта состоит в том, чтобы, как уже говорилось, превратить внутреннюю речь (диалог) в речь внешнюю. Как у Выготского: «мысль не выражается, но совершается в слове». Терапевт должен встроиться в поток внутренней смысловой речи пациента и направить его по пути преодоления защитных механизмов (и только), не настаивая при этом на собственных гипотезах в отношении скрытых смыслов речи пациента, а лишь предлагая свои высказывания-позиции на его рассмотрение в форме «набрасывания смысла».

Двойное дублирование. Диалог с воображаемым Другим в АКТА суть, собственно, техника двойного дублирования. Терапевт выступает в

роли дублера (внутреннего голоса) пациента, при этом озвучивает не только голос-позицию Я пациента, но и голос его воображаемого собеседника (проективного Я). Процедура «двойного дублирования» осуществляется с помощью пустого стула. Терапевт встраивается в интрапсихическое пространство пациента между двумя противоборствующими позициями и, таким образом, «изнутри» направляет процесс. Терапевт стремится работать на уровне внутренней смысловой речи, используя интуицию и логику: его реплики подаются в виде «догадок» и «набрасывания смысла» (Х.-Г. Гадамер).

Реплики (сообщения) терапевта носят характер *высказываний* в понимании Бахтина. Высказывание выражает не только определенную авторскую позицию и тем самым способно «определять активную ответную позицию других участников общения» [3], но и всегда отвечает на предшествующий контекст и предвосхищает ответную реакцию. Высказывание имеет не только «непосредственное отношение к чужим высказываниям», но и непосредственный контакт с действительностью (с внесловесной ситуацией). Возможность понимания слова (речи) вырастает на основе вовлеченности беседующих в общую ситуацию [3]. Вот почему необходим воображаемый Другой. Он вовлечен в общую ситуацию и поэтому обостряет внутренние противоречия пациента. Через него терапевт конфронтирует пациента с его противоречиями – прямо, а не опосредованно, как это делает терапевт в процессе традиционной беседы с пациентом, в которой идет «разговор о Другом, но не с Другим». Диалог в АКТА можно сравнить с очной ставкой: Другой из обвиняемого превращается в обвинителя. Он – укор совести.

По Бахтину, абсолютно нейтральное высказывание невозможно. Наиболее существенным средством выражения эмоционального отношения, оценки высказывания является интонация. Она задает общий смысл всего высказывания. Волошинов (1926) пишет: «Интонация устанавливает тесную связь слова с внесловесным контекстом: живая интонация как бы выводит слово за его словесные пределы... Интонация всегда лежит на границе словесного и не-словесного, сказанного и не-сказанного... Интонация ориентируется в двух направлениях: по отношению к слушателю... и по отношению к предмету высказывания как к третьему живому участнику» [цит. по 3]. В АКТА при дублировании из всех невербальных средств воздействия на пациента интонационная составляющая смыслового высказывания играет наиболее существенную роль в понимании скрытых смыслов.

Соотношение внешнего и внутреннего в диалоге. Бахтин представлял душевную жизнь человека как сплошную внутренне-внешнюю «границу»: каждое внутреннее переживание оказывается на границе – месте встречи с другим. Смотря внутрь себя, он смотрит в глаза Другому или глазами Другого. Диалог в АКТА разворачивается на этой границе. И пациент, и терапевт одновременно являются участниками внешнего диалога – терапевт-пациент – и внутреннего – пациент-воображаемый Другой. Внешний композиционно выраженный диалог неразрывно связан с диалогом внутренним, то есть с микродиалогом, и в известной мере на него опирается [5].

Реплики терапевта адресуются к внутреннему диалогу (скрытому). По существу идет диалог между сознанием (внешняя речь) и бессознательным (внутренняя речь). Слово терапевта, как и всякое чужое высказывание, активизирует внутренний «антитезис», вызывает возражение – интенцию внешнего или внутреннего спора, являющегося, по Бахтину, сущностной формой «саморазвития персонализированной идеи». Чужое высказывание, вызывая «активное ответное понимание» (Бахтин), активизирует в подсознании реципиента «челнок» внутренней и внешней речи. Важно, что внешний и внутренний планы диалога составляют единый континуум, развиваются в непрерывной взаимной «проекции». Очевидно, пишет С.О. Копылов, подлинно диалогическим является такое общение, при котором возникает «резонанс» воспринимаемой реплики собеседника и собственного «тайного слова» – еще не выговоренной вслух, недооформленной в речи и не до конца осознанной мысли [7]. Диалог в АКТА – это техника выявления «тайного слова».

Принципы построения диалога у Достоевского (Бахтина) и процедура двойного дублирования. Принципы построения диалога у Достоевского (Бахтина) в целом и в частности соответствуют принципам диалога с воображаемым Другим в аналитико-катартической терапии как относительно ее цели (самораскрытие человека и рост его самосознания), так и способов ее реализации (конфронтационно-провокативная техника двойного дублирования). Приводим ряд тезисов из Бахтина, которые на наш взгляд в наибольшей степени отражают смысл процедуры «двойного дублирования».

1. Раскрытие человека требует создание такой атмосферы, которая «позволила бы его слову раскрыться и самоуясниться. Все должно задевать героя за живое, провоцировать, вопрошать, даже полемизировать и изде-

ваться, все должно быть обращено к самому герою, повёрнуто к нему» [4, с. 97].

2. Раскрыть его можно, лишь *вопросая и провоцируя*, но не давая ему предрешающего и завершающего образа. Свобода героя, таким образом, – момент авторского замысла. Слово героя создано автором, но создано так, что оно до конца может развить свою внутреннюю логику и самостоятельность как чужое слово, как слово самого героя [4, с. 99].

3. Принцип построения диалогов повсюду один и тот же. Повсюду – *пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев*. Внешний композиционно выраженный диалог неразрывно связан с диалогом внутренним, то есть с микродиалогом, и в известной мере на него опирается [4, с.404].

4. Принцип сочетания голосов, которому Достоевский обязан исключительной силой своих диалогов. Это взаимоотношение внутреннего диалога (микродиалога) и внешнего, композиционно выраженного, диалога. Два героя всегда вводятся Достоевским так, что каждый из них интимно связан с внутренним голосом другого. Поэтому в их диалоге *реплики одного задевают реплики внутреннего диалога другого и даже частично совпадают с ними*. Глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя – обязательный момент во всех существенных диалогах Достоевского; основные же диалоги прямо строятся на этом моменте [4, с. 387].

5. Авторская активность Достоевского проявляется в доведении каждой из спорящих точек зрения до максимальной силы и глубины, до предела убедительности. Он стремится раскрыть и развернуть все заложенные в данной точке зрения смысловые возможности. И эта углубляющая чужую мысль активность возможна только на почве диалогического отношения к чужому сознанию, к чужой точке зрения [4, с.104].

Заключение

Диалог с воображаемым Другим недостаточно изучен в современной психологии. Анализируя творчество Достоевского, Бахтин указывает на два типа диалогов в творчестве писателя: диалоги реальных героев – внешние диалоги – и внутренние, скрытые диалоги («микродиалоги») – диалоги с воображаемыми другими. И эти два диалога связаны между собой: реплики внешнего диалога одного героя должны резонировать или совпадать (хотя бы частично) с репликами внутреннего диалога другого героя, тем самым запускается процесс самодвижения мысли.

Душевную жизнь человека Бахтин представляет как сплошную внутренне-внешнюю «границу» – место «встречи» с другим, одного сознания с другим сознанием. «Никакие человеческие события, – пишет Бахтин, – не разворачиваются в пределах одного сознания: сознание по существу множественно». В АКТА диалог совершается на этой границе – между внешним и внутренним. В сущности, внутренний диалог – это диалог с самим собой, диалог между противоречивыми позициями личности. Он разворачивается во внутренней речи – речи смысловой, еще не полностью отрефлексированной, не вполне осознанной, «почти безмолвной», в которой, по Выготскому, «мысль не выражается, но совершается в слове». Это граница между сознанием и бессознательным. Цель диалога АКТА заключается в том, чтобы неосознанное сделать осознанным, означить неотчетливые переживания пациента.

В АКТА эта цель достигается с помощью техники «двойного дублирования», при которой конфронтационно-провокативные реплики терапевта адресуются и к Я пациента, и к проекции его Я – воображаемому другому. Поскольку Другой рассматривается как иное Я пациента (*alter ego*), то реплики (как «смысловые высказывания» по Бахтину) адресуются к разным позициям пациента, к разным сторонам его внутреннего конфликта. Правда изначально присутствует во внутреннем мире переживаний пациента, но открывается она во внутреннем диалоге противоречивых голосов. Этот внутренний диалог замкнулся бы в своих границах, как «вещь в себе», если бы не участие в этом диалоге третьего – терапевта. Его позиция и действия всецело направлены на помощь пациенту в преодолении сопротивления и психологических защит, в результате чего открывается доступ к неосознанным содержаниям с последующим возникновением катарсиса и трансформацией личности.

Литература

1. Александров А.А. Аналитико-катартическая терапия эмоциональных нарушений. – СПб.: СпецЛит, 2017. – 231 с.
2. Александров А.А. Катарсис, инсайт и интеграция личности в аналитико-катартической терапии // Вестник психотерапии. – 2020. – № 75 (80). – С. 7–29.
3. Ахутина Т.В. Теория речевого общения в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1984. – № 3. – С. 4–13.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб.: Азбука, 2017. – 416 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1976. – 33 с.

6. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. – Минск: Экономпресс, – 1999. – 190 с.
7. Копылов С.О. Психологические аспекты творческого наследия М.М. Бахтина // Вопросы психологии. – № 3. – 2011. – С. 22–28.
8. Морозов С.М. Диалогизм М.М. Бахтина в контексте естественно-научной психологии // Консультативная психология и психотерапия. – 2011. – № 2. – С. 34–51.
9. Россохин А.В. Психология рефлексии измененных состояний сознания (на материале психоанализа) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7, № 2. – С. 83–102.
10. Россохин А.В., Измагурова В.Л. Внутренний диалог и его связь с рефлексией // Вопросы психологии. – 2008. – № 4. – С. 3–14.
11. Трунов Д. Этапы и стратегии самопознания // Развитие личности. – 2009. – № 1. – С. 78–85.
12. Эдкин А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. – М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. – 376 с.

Поступила 02.09.2021

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией статьи.

Для цитирования. Александров А.А. Полифоническая концепция сознания Михаила Бахтина в ее значении для аналитико-катартической терапии // Вестник психотерапии. 2021. № 79 (84). С. 7–23.

MIKHAIL BAKHTIN'S POLYPHONIC CONCEPT OF CONSCIOUSNESS IN ITS MEANING FOR ANALYTIC-CATHARTIC THERAPY

Alexandrov A.A.

North-West State Medical University named after I.I. Mechnikov
(Kirochnaya Str., 41, St. Petersburg, Russia)

✉ Alexandrov Artur Alexandrovich – Dr. Med. Sci. Prof., Prof. of the Department of psychotherapy, medical psychology and sexology Nord-West State Medical University named after I.I. Mechnikov (Kirochnaya Str., 41, Saint-Petersburg, 191015, Russia), e-mail: dr.artaleks@ya.ru.

Abstract. The article discusses the concept of polyphonic consciousness of M.M. Bakhtin, developed by him on the basis of an analysis of the works of F.M. Dostoevsky. The principles of constructing dialogues in a literary work, based on the polyphonism of consciousness, are reflected in the theory and practice of analytic-cathartic therapy. In particular, Bakhtin's concept makes a tangible contribution to the

development of the problem of "internal dialogue", "dialogue with an imaginary Other" and to the practice of the double duplication procedure.

Keywords: analytic-cathartic therapy, polyphony, dialogue with an imaginary Other, double duplication.

References

1. Aleksandrov A.A. Analitiko-katarticheskaya terapiya emocionalnyh narushenij [Analytical and cathartic therapy of emotional disorders]. Sankt-Peterburg. 2017. 231 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov A.A. Katarsis, insajt i integraciya lichnosti v analitiko-katarticheskoy terapii [Catharsis, insight and integration of personality in analytical-cathartic therapy]. *Vestnik psikhoterapii* [The Bulletin of Psychotherapy]. 2020. N 75 (80). Pp. 7–29. (In Russ.)
3. Ahutina T.V. Teoriya rechevogo obshcheniya v trudah M.M. Bahtina i L.S. Vygotskogo [The theory of speech communication in the works of M.M. Bakhtin and L.S. Vygotsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology]. 1984, N 3. Pp. 4–13. (In Russ.)
4. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of poetics Dostoevsky]. Sankt-Peterburg. 2017. 416 p. (In Russ.)
5. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity Advisory psychology and psychotherapy]. Moskva. 1976. 33 p. (In Russ.)
6. Demidov A.B. Fenomeny chelovecheskogo bytiya [Phenomena of human being Advisory psychology and psychotherapy]. Minsk. 1999. 190 p. (In Russ.)
7. Kopylov S.O. Psihologicheskie aspekty tvorcheskogo naslediya M.M. Bahtina [Psychological aspects of the creative heritage of M.M. Bakhtin Advisory psychology and psychotherapy]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology Advisory psychology and psychotherapy]. 2011. N 3. 2011. Pp. 22–28. (In Russ.)
8. Morozov S.M. Dialogizm M.M. Bahtina v kontekste estestvennonauchnoj psikhologii [Bakhtin in the context of natural science psychology Advisory psychology and psychotherapy]. *Konsultativnaya psikhologiya i psihoterapiya* [Advisory psychology and psychotherapy Advisory psychology and psychotherapy]. 2011. N 2. Pp. 34–51. (In Russ.)
9. Rossohin A.V. Psihologiya refleksii izmenennyh sostoyanij soznaniya (na materiale psihoanaliza) [Psychology of reflection of altered states of consciousness (based on psychoanalysis material)]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2010. Vol. 7, N 2. Pp. 83–102. (In Russ.)
10. Rossohin A.V., Izmagurova V.L. Vnutrennij dialog i ego svyaz s refleksiej [Internal dialogue and its connection with reflexion]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2008. N 4. Pp. 3–14. (In Russ.)
11. Trunov D. Etapy i strategii samopoznaniya [Stages and strategies of self-knowledge]. *Razvitie lichnosti* [Personality development]. 2009. N 1. Pp. 78–85. (In Russ.)
12. Edkin A. Eros nevozmozhnogo. Istoriya psihoanaliza v Rossii [Eros is impossible. History of psychoanalysis in Russia]. Moskva. 1994. 376 p. (In Russ.)

Received 02.09.2021

For citing. Alexandrov A.A. Polifonicheskaya koncepciya soznaniya Mihaila Bahtina v ee znachenii dlya analitiko-katarticheskoj terapii // *Vestnik psikhoterapii*. 2021. N 79. Pp. 7–23. **(In Russ.)**

Alexandrov A.A. Mikhail Bakhtins polyphonic concept of consciousness in its meaning for analytic-cathartic therapy. *The Bulletin of Psychotherapy*. 2021. N 79. Pp. 7–23. 77-